

К Р О К О Д И Л

К 556/43г

БОЛЬШЕВИКИ
УГРОЖАЮТ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

С высокой трибуны.

Фотомонтаж Б. Клинка

Рис. И. Семенова

Юные фрицы и гансы играют в лошадки.

Смутная линия подбородка

БОЛЕЕ или менее приличная бабушка стоит недешево. За дедушку приятной натурности тоже надо немало заплатить.

И вообще в связи с общей дороговизной продуктов первой необходимости цены на чистокровных предков сильно возросли.

Цены, конечно, возросли, но, как говорится, не дороже денег. А за деньги можно всё купить.

Фридрих Реннеман, пленный немецкий лётчик, рассказывает:

— В Германии всё решается деньгами. За деньги можно учиться. За деньги можно составить себе хорошую репутацию. За деньги можно приобрести вполне подходящих арийских предков...

Нетрудно представить себе, как это там делается. Богатый колбасник приходит к фашистскому чиновнику в расовое бюро. Он просит отпустить ему за наличный расчёт несколько поколений предков:

— Но чтобы первый сорт, прима. За свои денежки могу требовать настоящий товар!

— Гут! — отвечает чиновник. — Зеер гут! Очень хорошо. Надях у меня брал большую порцию прабабушек ваш сосед герр Шульд. Весьма доволен остался.

— Могу соответствовать почине Шульда, — дипломатично намекает колбасник.

— Битте! — и расовый чиновник понимающе кивает головой. — Пожалуйста. Мы к таким клиентам с полным уважением. Можем возвести ваш род прямо к Адаму.

— Осмелюсь спросить: к какому Адаму? Понимаете, за свои деньги желательно...

— Не беспокойтесь. Я вам предлагаю того Адама, который одно время вместе с супругой проживал в раю.

— А! Человек довольно известный в торговых кругах. Если не ошибаюсь, опговое дело — райские яблоки и сухофрукты. А как в смысле арийства, поскольку герр Адам не имел определённых родителей?

— Комар носа не подточит. Как известно,

он сотворён не из кожного чернозёма, а из северной жёлтой глины. Так что, в бюретах и в других сомнительных организациях не состоялся. Кроме того его близость к нашему режиму подтверждается тем, что он является родным отцом Каина.

— Это тогдашний эсэсовец, что ли?

— Вот-вот.

Но у лётчика Фридриха Реннемана не было больших денег. И вот почему в его расовом паспорте были существенные изъяны.

— Мне удалось, — говорит он, — разыскать своих предков и оформить паспорт лишь до 1860 года. Это очень мало: ведь требуется минимум до 1800 года.

А вдобавок ко всему этот проклятый подбородок, который даже в плену не вылезает из головы Фридриха Реннемана.

— Меня подвергли, — говорит он, — испытанию на расу. Сюда входят всевозможные измерения, исследования черт лица на свет. Признали, что у меня смутная линия подбородка, поэтому я получил неважную отметку.

— Вообще надо сказать, — добавил гитлеровский лётчик с грустью, — что я в жизни немало пострадал из-за этой моей смутной линии подбородка...

До войны Реннеман был студентом. Он начал хлопотать о стипендии. А для того, чтобы иметь право на стипендию, нужно пройти специальный экзамен.

Серьёзно и деловито Реннеман описывает экзамен. Он даже не понимает, что это описание — самая страшная карикатура на омерзительные нравы фашистской Германии.

Сначала его спросили о расах. Он знал предмет назубок и ответил без запинки. Потом его спросили, каких великих полководцев он знает. И германский студент, даже не заикнувшись, отпартовал:

— Александр Македонский и Адольф Гитлер.

После этого... Но лучше предоставим слово

самому почитателю Александра Македонского и Адольфа Гитлера:

— Следующим экзаменом был бокс. Но так как никто из нас боксировать не умел, то бокс вскоре принял характер ужасной драки. Затем был бег на три тысячи метров. Затем был заключительный экзамен — так называемое душевное испытание. Его проводили какие-то эсэсовцы. Он протекал так. Я, ничего не подозревая, вошёл в комнату, где сидела комиссия, и сел на стул. Офицер-эсэсовец вскочил и закричал:

— Как вы смели положить ногу на ногу? Я изменил позу, и тогда другой эсэсовец ехидно спросил:

— Почему вы некрасивый?

Я обиделся, встал и вышел. Впоследствии оказалось, что за этот экзамен я получил самую высокую оценку. Я вёл себя именно так, как следовало, — это было испытание моего характера... Но, вернувшись домой, я получил извещение, что мне в ходатайстве отказано.

Ничего не помогло Реннеману. А как старался! Он и Гитлера сравнил с Александром Македонским, и бегал, высунув язык, на дистанцию в три тысячи метров, и участвовал в боксе, где ему изрядно помяли смутную линию подбородка.

Но эта же самая смутная линия и подвела его. И вот тогда-то этот высококоудейный молодой человек решил вступить в фашистскую партию.

— В партию, — говорит он, — я решил поступить в 1938 году. Лишь таким путём я мог компенсировать ряд своих недостатков: 1) отсутствие отчётливого паспорта предков, 2) смутное очертание моего подбородка, 3) нехватку денег.

Немецкий лётчик Фридрих Реннеман, сам того не подозревая, неплохо нарисовал нам ту страну, откуда вторглись к нам эти орды убийц и грабителей.

Г. РЫКЛИН

НЕСМОТРЯ на свои почти семьдесят лет дед Евсей был ещё подвижной, весёлый и первейшей руки говорун. Последнее обстоятельство и помогло ему, как говаривал он, пришвартоваться к отряду. Подходящей вакансии для него не находилось, но дед был мастер на уговоры:

— Ты, товарищ командир, не сомневайся. Ты не смотри, что года мои будто бы в отставку уже вышли. Я, брат, матрос с военного корабля. В японскую кампанию, бывало, стою у орудия... Тут тебе снаряды, тут тебе торпеды, тут тебе вода хлещет, тут тебе...

Деду дали должность: послали к тётке Палажке помогать ей по кухне. И сразу же открылись там батальни: то ему не нравилось, как Палажка жарит лук; то он яростно боролся за чистоту и смастерил какие-то специальные подставки для ложек.

— Каждая снасть должна быть на месте, как на корабле. Однажды, ещё в японскую кампанию, бывало, когда был я матросом на военном...

— Ты, матрос, возьми-ка лучше ведро да вынеси помои!

Худшего оскорбления не могло быть для деда Евсея, и тут началась страстная дискуссия:

— Что ты понимаешь в военном деле?

— Мне понимать не нужно... Ты вот берись лучше за ведро!

— Нет, я тебя спрашиваю: что ты понимаешь в военном корабле? Я, брат, не одну благодарность получил за свою боевую службу. Я Георгия имел за свои боевые раны. И теперь ещё, смотри, какие рубцы остались на животе!.. — и дед отчаянно растёгивал пояс, чтоб показать непонимающей Палажке свои раны.

Но та стыдливо отворачивалась и замахивалась кружкой:

— Вот ошпарю кипятком, так будешь знать...

— Тыфу ты, нация бабская! — свирело чмыхал дед. — Ты к ней как человек, а у неё своё на уме. А ведро всё-таки я не понесу. Ты мне не начальник. Что у тебя? Горшки да половники. А под моим распоряжением военный конь ходит!

— Какой же то конь? — пускала в хохот Палажка. — То ж кобыла немецкая, да ещё хромая...

— Смолчала бы, затирка несчастная. Вот кто ты! — и дед торжественно покидал землянку.

Палажка считала страшным оскорблением слово «затирка», хотя эту нехитрую затирку она стряпала для отряда почти каждый день. Она решительно раскрывала свой сундучок, доставала праздничный платок и, повязав его, шла в штабную землянку. Шла грозная, нахмуренная.

А в землянке мягко выспрашивал её командир:

— Опять?

— Опять, товарищ начальник! Нет мне с ним жизни. Это не дед, а ехидна чистая. Вчера, что вы думаете: надумался оладыя печь. Сколько муки перепортил, сала!.. Он меня, извините... — и тут голос тётки стал тихим-тихим, — он меня за-а-тиркой обозвал.

— Эге-э? Это — уже серьёзное дело! Но, видно, тётка Палажка, вы его также чем-нибудь допекли? Видно, вы сто воинского вида не признаёте? Он же, как-никак, бывший матрос, вояка...

— Ему только на печи тараканов гонять! Воя-а-ка!

— Ну, хорошо. Идите, тётка Палажка, готовьте обед. А мы уж найдём как-нибудь управу на деда.

Неизвестно, какие прозные масштабы приняли бы все эти конфликты между дедом Евсеем и тёткой Палажкой, не признававшей за дедом воинского вида, если бы не случились некоторые события, не только примирившие, но и сделавшие их большими друзьями.

Случилось всё это летом, под вечер одного дня. Только запряг Евсей спопливого «Гитлера» (так он звал свою трофейную кобылу) в пожарную бочку, чтобы ехать по воду на небольшое озерко за лесом, как из кухни вышла Палажка и категорически заявила:

— Я тоже с тобой.

— Очень ты мне нужна! — чмыхнул недовольно дед.

— Мне нужно стирки пополоскать. Одной же боязно немного...

— То-то! — удовлетворённо крикнул дед и, торжественно забравшись на бочку, внушительно занюхал на «Гитлера»:

— Ну-но! Шевелись, фюрер!

Озерко было в километрах четырёх от лагеря. Оно подходило к самой дороге, по которой проезжали иногда немецкие обозы, и дед из предосторожности брал всегда автомат с собой. День был жаркий. «Гитлер» лениво помакивал хвостом, совсем было задремал на своей бочке дед Евсей. Так, без особых приключений, и добрались до озера.

И только выбрались из кустов к берегу, как тётка Палажка стремительно рванулась к деду и начала тереть его за рукав:

— Дед, дед! Разве не видишь? Куда ты едешь?

Глянул дед, схватился за вожжи, чтобы скомандовать «Гитлеру» задний ход да податься с бочкой в кусты, но где ты допозуешься с этим проклятым животным, не понимающим христианской команды. «Гитлер» тянул прямо к берегу. Тут дед молнией слетел с бочки, тихо крикнув Палажке:

— Спасайся в кусты, пока не поздно!..

Секунда, другая — и утратил бы дед окончательно свой воинский вид, чуть не поддался было панике, собираясь дать стрекана в лес. Но, очутившись за ольховым кустом, осмотрелся. Никого не было видно на берегу. «Гитлер» забрался в озеро вместе с бочкой и спокойно

потягивал воду. И только на самой середине озера, где было поглубже, шумно барахтаясь в воде, купались трое немцев. Заметив «Гитлера» с бочкой, они явно встревожились, кто-то заговорил между собой, и один из них потопал к берегу. Дед глянул в ту сторону, куда спешил немец, и сразу догадался: немец шёл к одежде. Она лежала недалеко от деда, трое офицерских мундиров висело просто на кусте. Тут же лежали сумки, пистолеты, один автомат. Минута, другая, и дед — как сам он потом говорил — сразу же определил диспозицию вражеских сил и стал на боевой курс. Выйдя из-за кустов на берег и угрожающе наводя автомат, он грозно рявкнул:

— Вылезай, нечистая сила! — а сам ближе да ближе к одежде и пистолетам. Оглянулся ещё назад, крикнул в кусты: — Если ты ещё тут, Палажка, по беги кустами по берегу, следи, чтобы не скрылись они, сохрани боже, на тот берег!

— Они же голые!.. — раздался неуверенный голос Палажки.

— А ты не гляди на естество, ты знай пугай! Пусть думают, что нас тут целая дивизия.

Немцы один за другим, не сказать, чтобы слишком охотно, вылезли на берег и под дулом автомата выполняли все приказы, отдаваемые при помощи энергичных жестов дедом Евсеем.

Через какие-нибудь полчаса сплывавшие в лагере партизаны наблюдали необычную процессию: впереди медленно подвигались трое голых немцев; на известном расстоянии от них грозно шествовал дед Евсей, ни на секунду не опуская автомата; следом за ним тётка Палажка вела «Гитлера», держа в руках вожжи и целую юхашку кухонных стирок, офицерских штанов и мундиров, через плечо у неё грузно болтался немецкий автомат; пустая бочка: воды набрать не успели — звонко тархтела за «Гитлером».

Заметив командира, дед ловко подошёл к нему, отпартовал:

— Так что вернулись из боевой операции. В плен взято три офицера. Потерь не имели, — и дед Евсей торжественно взял под козырёк и залихватски прищёлкнул каблуками.

Дед сдал пленных, их амуницию, и скоро люди увидели, как за столом в землянке важно восседал дед Евсей, напротив него сидела тётка Палажка. Она заботливо угощала деда затиркой:

— Кушайте, кушайте, Евсей Иванович, не стесняйтесь.

— Премного благодарен вам, Пелагея Семёновна! Готов вечно кушать из ваших деликатных рук эту чудесную... — тут дед явно запнулся, чуть-чуть не сказав «затирку», но быстро нашёлся, — это чудесное ваше блюдо.

И дед Евсей с того дня, когда говорил о каких-нибудь событиях, всегда тщательно указывал их время:

— Это было за два дня до того или неделю спустя после того, как мы с Пелагеей Семёновной выезжали на боевую операцию.

Перевод с белорусского.

Темная личность

Когда Гитлер приехал в Париж, первым желанием фюрера было сфотографироваться на фоне Эйфелевой башни. Немедленно вызвали фотографа. Приступили к съёмке.

Фотограф взглянул на Гитлера и сказал:
— Свет дайте, мало света.
Вызвали роту прожектористов.
Гитлер морщился в лучах прожекторов, пытаясь изобразить на лице добрую улыбку.

Фотограф посмотрел в видоискатель и решительно потребовал:

— Ещё света!
— Помилуйте, — возмолвил один из представителей оккупационных властей, — неужели вам не хватает этих мощных прожекторов?
— Вы забываете, м-сье, — ответил фотограф, — что передо мной самая тёмная личность.

РОММЕЛЬ БЕЖИТ

Рис. Л. Бродаты

— Смотри, смотри!.. Этак скоро в Африке ни одного дикаря не останется!

Если...

Люди наши боевые,
Люди наши — высший класс,
Но, хоть редко, и такие
Экземпляры есть у нас.

* * *

Он сидит в глубоком кресле,
У него солидный вид,
Он по целым суткам «если»
Механически твердит:
«Если мне без промедленья
Установят новый кран,
Если винтик для крепления
Без задержки будет дан,
Если в свете резолюций
Будут массы впереди,
Если выплавки начнутся,
Если кончатся дожди,
Если в выдаче брикета
Не откажут наотрез,
Если то и если это,
Если, если, если, ес...»
В общем, если сотни «если»
Выйдут, сбудутся, пройдут,
То и я, усевшись в кресле,
Не сочту тогда за труд
Кое-где, кой-что исполнить
Кое-как и кой-кому...»
В общем он бездельник полный —
Это видно по всему!

И. КОРОЛЬКОВ

УТРОМ над нашим катером стали кружиться самолёты противника.

Первые шесть бомб упали в воду. Седьмая бомба задела корму, и наш катер загорелся.

И тогда все пассажиры стали кидаться в воду.

Не помню, на что я рассчитывал, когда бросился за борт, не умея плавать. Но я тоже бросился в воду и сразу погрузился на дно.

Я не знаю, какие там у вас бывают физические законы, но только при полном неумении плавать я выплыл наружу.

Выплыл наружу и сразу же ухватился рукой за какую-то рогульку, которая торчала из-под воды.

Держусь за эту рогульку и уже не выпускаю её из рук. Благословляю небо, что остался в живых и что в море понатыканы такие рогульки для указания мели и так далее.

Вдруг вижу: кто-то ещё подплывает ко мне.

Вижу, какой-то штатский вроде меня — в песочном пиджаке и в длинных брюках.

Я показал ему на рогульку, и он тоже ухватился за неё.

И вот мы держимся за эту рогульку. И молчим. Потому что говорить не о чем.

Впрочем, я его спросил, где он служит, но он ничего не ответил. Он только выплюнул воду изо рта и пожал плечами. И тогда я понял всю неактивность моего вопроса.

И вот держимся мы за эту рогульку и молчим. Час молчим. Три часа ничего не говорим. Наконец мой собеседник произносит:

— Кажется, идёт спасательный катер.

Действительно: видим, идёт катер и подбирает людей, которые держатся на воде.

Рис. Бор. Ефимова

ДОЛЕТАЮТ
— Что такое? Назначен парад ввоза самолётам, как публика в панике бежит.
— Ясное дело! Самолёты ведь англы

Рогулька

Мих. Зощенко

Стали мы с моим собеседником чтоб с катера нас заметили. Но чают, не подплывают к нам.

Тогда я скинул с себя пиджак этой рубашкой: дескать, вот мы тут. Но катер не подвезжает.

Из последних сил я машу рубашкой в положение, спасите нас! Наконец с катера кто-то высочайше пор:

— Эй вы, трам-тарарам, за что за мину!

Мой собеседник, как услышал, шаркнул в сторону. И, гляжу, инстинктивно я тоже выпустил, как только выпустил, так сразу в воду.

Тогда я снова ухватился за рогульку её из рук.

С катера в рупор кричат:
— Эй, ты, трам-тарарам, не трясись!

— Братцы, — кричу, — без меня же сразу! Войдите в положение, столь любезны!

В рупор кричат:
— Не можем подплыть, дурная мине! Плыви, трам-тарарам, свободную!

Думаю: хорошенькое дело — плыви плавать.

Кричу:
— Братцы! Моряки! Придумайте что-нибудь человеческой жизни!

Рис. К. Елисева

Веское оправдание

У витрины одного магазина на Фридрихштрассе, где выставлен был портрет Гитлера, стоял выпивший немец и долго смотрел на портрет. Смотрел, смотрел и наконец сказал вслух:

— Если бы в моём кармане были деньги, я непременно купил бы этого урода...

Стоявший неподалёку штурмовик схватил выпившего немца за пиворот и поволок его в полицейский участок.

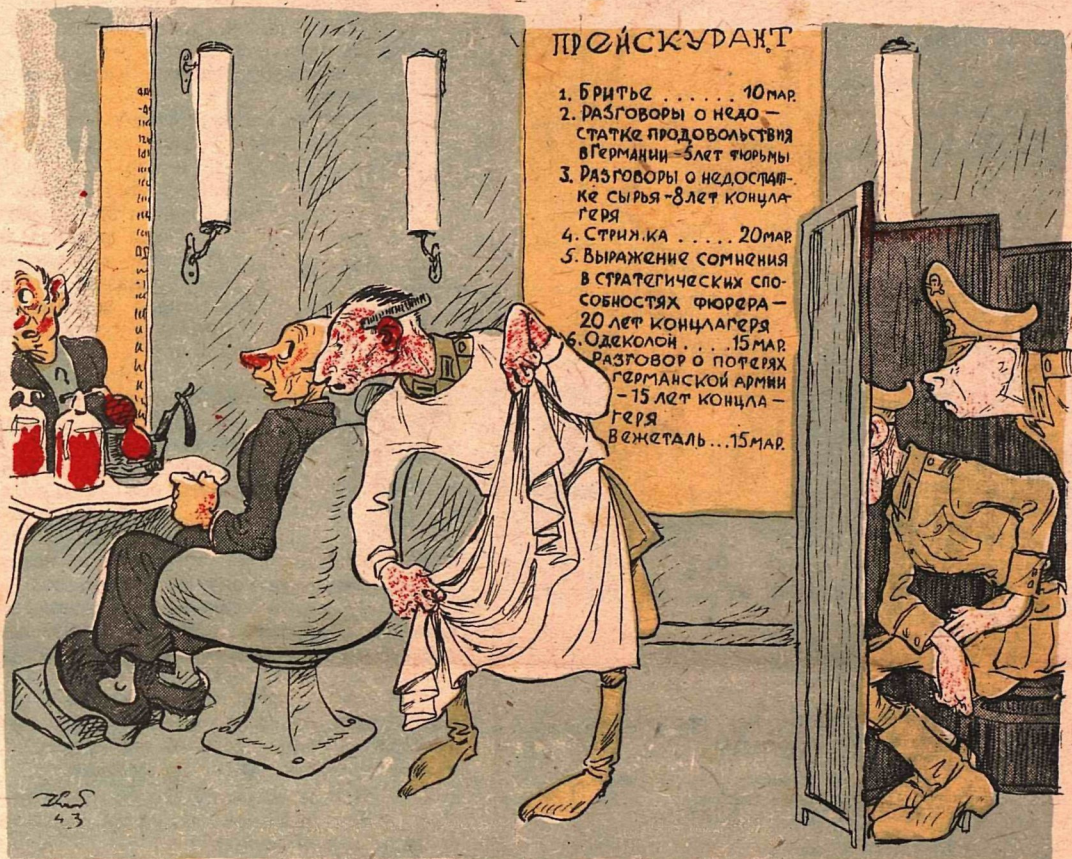
Полицейский комиссар вне себя от ярости пригрозил немцу концлагерем за оскорбление фюрера. Вызвали его жену, которой тут же сообщили о его преступном поступке.

Жена выпившего немца, желая облегчить вину своего мужа, сказала:

— Господин комиссар, мой муж, когда он выпивши и если у него в кармане есть хотя бы одна марка, всегда покупает какое-нибудь дерьмо, так что простите его...

ПО ПРЕЙСКУРАНТУ

В немецких парикмахерских запрещены разговоры об экономическом положении.

— Итого, с вас 45 марок и 12 лет концлагеря.

И СЬ
душных сил, а стоило появиться
т!
ийские.

ТЬКА ✓

НКО
кричать, махать руками,
нас почему-то не заме-

и рубашку и стал махать
пут, сюда подъезжайте.

ашкой: дескать погибает,
ши души.

ывається и кричит в ру-

о, обалдели, держитесь —

л эти слова, так сразу
поплыл к катеру.

ил из рук рогульку. Но
о головой погрузился в

рогульку и уже не выпу-

огай, трам-тарарам, мину!

я как без рук! Потону!

Плывите сюда, будьте

а-голова: подорвёмся на

да! Или мы уйдём сию

льть при полном неуме-

те что-нибудь для спасе-

И сам держусь за рогульку так, что даже при желаниии меня не оторвать.

Тут кто-то из команды кидает мне канат. При этом в рупор и без рупора кричат:

— Не вертись, чтоб ты сдох: взорвётся мина!

Думаю: сами нервничают криками; лучше бы я не знал, что это мина, я бы вёл себя ровней. А тут, конечно, дёргаюсь: боюсь. И мины боюсь и без мины ещё того больше боюсь.

Ухватился я за канат. Осторожно обвязал себя за пояс. Кричу:

— Тяните, ну вас к черту!

Вытянули меня на поверхность. Ругают сил нет. Уже без рупора кричат:

— Чтoб ты сдох! Хватаешься за мину во время войны!

Конечно, молчу. Ничего не отвечаю. Поскольку что можно ответить людям, которые меня спасли. Тем более сам чувствую свою недоразвитость в вопросах войны, недопонимание техники.

Втащили меня на борт. Лежу. Обступили.

Вижу, и собеседник мой тут. И тоже меня ругает, слышит: зачем, дескать, я указал ему схватиться за мину.

Собеседнику я тоже ничего не ответил, поскольку у меня испортилось настроение, когда я вдруг обнаружил, что нет со мной рубашки, которой я махал. Пиджак тут, при мне. А рубашки нету.

Хотел попросить капитана сделать круг на ихнем катере, чтоб осмотреться, где моя рубашка, нет ли её на воде. Но, увидев суровое лицо капитана, не решился его об этом просить.

Должно быть, эту рубашку я оставил на мне. Если это так, то, конечно, пропала рубашка.

После спасения я дал себе торжественное обещание — изучить военное дело.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

— Ефрейтор Шметке, какую команду надо подать, чтобы солдаты быстро поднялись по тревоге?

— Казаки!

(«Сталинский боец».)

В НЕМЕЦКОМ ГОСПИТАЛЕ

— Больной, почему вы второй день не принимаете лекарства?

— Но, господин доктор, здесь написано: «Принимать после еды».

(«За счастье родины».)

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

— Как ты думаешь, Франц: почему так долго не едет наша походная кухня?

— Потому что повар везёт кухню на себе. А покойница-лошадь тем временем в котле доваривается...

(«Фрунзовец».)

МЕРТВЕЦКИ ТРЕЗВЫЕ

Рис. И. Семёнова.

Французскими патриотами в парижском баре брошенной бомбой убито 16 немецких офицеров.

— Я, кажется, совсем немного выпил, вылили, а голова так кружится!

Мой ученик

Узнал я утром,
До гудка,
Что мне пришлют
Ученика.

Всё время
Думал я о нём,
Как мы работать
С ним начнём?

Узнаю,
Сколько парню лет,
В футбол играет
Или нет?

Я юам недавно
За станком,
Я тоже был
Учеником.

Я успокою
Новичка,
Ведь он волнуется
Пока,
Скажу, похлопав
По плечу:
— Тебя работать
Научу.

И вдруг
Приводят мне вчера
Старуху
С нашего двора.

Я с ней знаком
Давным-давно,
Я к ней мячом

Попал в окно.
Потом ходил за ней
Как тень,
Извинялся
Целый день.

Теперь пропал я
Всё равно,
Она явилась в цех,
Сейчас расскажет
Про окно
И осрамит
При всех.

Сказал я:
— Встаньте за станок
Она в ответ:
— Иду, сынок.

Смотрю:
Старуха — молодец!
Сама берётся
За резец,
Сама включает
Самоход
И стружку
Правильно берёт.

Она совсем
Не так стара —
Старуха
С нашего двора;
И все ребята
Говорят,
Что ей дадут
Второй разряд.

А. БАРТО.

Иллюстрации Б. Фридкина

«Москвичка»

В МОСКОВСКОМ цирке ежевечерне иллюзионист Кио сжигает свою ассистентку. Фокус имеет большой успех. На костёр, обильно политый керосином, всходит улыбающаяся девушка и мгновенно исчезает в высоком пламени огня...

Публика ещё долго обменивается впечатлениями:

- Ай да здорово! Молодец Кию!
- Действительно молодец! Столько керосину достал!
- На то и фокусник!
- А я теперь понимаю, зачем ему 75 ассистентов...
- Зачем?
- Голочее... Два с половиной месяца сжигать сможет...

Всё хорошо в своём месте. Фокусы приятно и забавно смотреть в цирке. Но если бы в Московском театре драмы режиссёр Горчаков стал всерьёз сжигать какую-нибудь заслуженную артистку, вряд ли это имело бы большой успех.

Такая шальная мысль приходит в голову, когда смотришь в этом театре «Москвичку» Виктора Гусева.

Рассказать содержание «Москвички» довольно затруднительно. Налицо имеется дюжина весёлых интермедий, целый набор приятных песенок и даже очень смешной скетч на тему об очередях в парикмахерской...

Все эти опереточные куски на живую нитку сметаны незатейливым сюжетом.

Действие начинается в одном из московских коммунальных дворов. Монтер Петя (артист Пуговкин) любит дружинницу Настю (артистка Зверева), девушку во всех отношениях достойную, так сказать, образцово-показательную москвичку.

Сам Петя, по мнению Гусева, — тоже вполне образцовый москвич: он тушит зажигательные бомбы, плохо поёт на авансцене и шустро размахивает повесткой из военкомата, полученной в конце первой картины.

Казалось, почему бы образцовой москвичке не полюбить такого образцового москвича? Вместе тушили бы зажигательные бомбы, вместе сентиментально любовались бы фанерными пейзажами художника Пименова, вместе пели бы на авансцене симпатичные песенки Милюткина...

Но тогда не было бы пьесы!

И вот на пути соединения этих двух образцовых сердец наскоро сооружается препятствие в лице такого глупо ничтожного трусишки-инженера, что артисту М. Орлову просто неловко его играть.

В публике полное недоумение:

— Что за чепуха?! Будто глупая девушка, а такого кретина полюбила!
— Так разве она по своей воле? Всё автор... Недаром Зверев весь спектакль со злым лицом ходит!

— Ну, злитесь-то она больше на режиссёров!.. Подумайте, артистка — по дарованию суретка, а в этом театре ей всё роли каких-то социальных героинь подсовывают...

Конечно, «Москвичке» место в оперетте, а не в драме. Там всё сошло бы благополучно. Никто не стал бы выдавать гусевские сентименты за настоящие чувства, а забавных гусевских героев — за советских людей во плоти и в кроу.

Просто два акта Настя (меццо-сопрано) пела бы грустные арии и дуэты с Петей (лирический тенор) о неразделённой любви, а в третьем акте, как и полагается в оперетте, любовь была бы наконец разделена и с помощью хора и балета они поженились бы...

А по части натяжек сюжета с меццо-сопрано, с лирического тенора и буффонного комика спрос невелик: лишь бы смешно играли и мило пели. В «Москвичке» же есть материал и для того и для другого.

Но когда Зверева всерьёз играет разочарование в инженерере, Плятт (в роли Медведева) сентиментальничает, как в «Ромео и Джульетте», режиссёры притворяются, что это и есть «всамделишная» жизнь, — лёгкое здание гусевской комедии не выдерживает и обваливается...

Не будем считать происшедшее серьёзной катастрофой. Так, небольшая авария на улице Герцена. Большинство пострадавших отделалось лёгкими ушибами.

Правда, есть одна настоящая жертва.

Самое неприятное впечатление оставляет эпизод в крестьянской избе, где плохо вымуштрованные статисты имитируют немцев. Во время этой имитации они убивают заслуженного артиста Медведева (Плятт), впрочем, весьма нудного старика.

Позади меня кто-то тяжело вздохнул:

- Бедняга!
- Медведева пожалели!
- Какого там Медведева! Плятта!
- Собеседник соседа замаялся:
- Позвольте, ведь убили сейчас только Медведева...
- Это немцы убили Медведева. А режиссёры — Плятта... Очень жаль! Такой талантливый актёр!

Вот это действительно дьявольская жертва аварии на улице Герцена.

Евг. БЕРМОНТ

Дорогой Крокодил!

(Письма читателей)

Дорогой Крокодил!

У директора московского завода имени Карпова тов. Майорова доброе сердце: отказать в чём-либо, причинить неприятность — это не входит в его компетенцию. Для этих целей на заводе имеется специально выделенная штатная единица — начальник жилищно-коммунального отдела Рожков:

Как добрый и хороший товарищ, Майоров взял на себя, на время моей эвакуации из Москвы, охрану моей квартиры, которую я акуратно оплачивал. Майоров оказался вдвойне добрым: «в целях сохранения моей жилплощади» он предоставил её Гопольскому — ответственному работнику Наркомздрава, в чьём ведении, кстати, находится завод.

Майоров не перестал быть добрым ко мне и после моего возвращения в Москву. Он только предоставил свободу действий своему ближайшему помощнику Рожкову, который взял на себя неблагодарную роль «злого дяди» и не впустил меня в мою же квартиру вопреки категорическому предлогу прокуратуры Советского района.

В результате строгого нейтралитета «доброе дяди» Майорова, которого никак не заподозришь в плохом ко мне отношении, но который вместе с тем считает неудобным обижать и высокое начальство из Наркомата, я скитаюсь бездомным и вместо научной работы по специальности собираю проверенный на самом себе обширный материал для научного труда из области нарушения гражданского права и прочности человеческих отношений.

Я. БРАЙНЕС,

доцент, кандидат технических наук.

г. Москва.

Товарищ Крокодил!

Хочу предупредить тебя о досадной опечатке в № 8—9 твоего журнала за этот год.

На седьмой странице ты поместил письмо о руководителях Кудринского района, Молотовской области, чьи неусыпные заботы о семьях фронтовиков привлекли твоё внимание. Мне кажется, что тут речь идёт о руководителях Междуреченского района, Вологодской области.

Задно измени подпись и под карикатурой, помещённой на этой же странице, где твой художник нарисовал работников коммунального отдела Орского металлургического комбината, окруживших семьи фронтовиков плакатами и лозунгами. Ведь ты же опять-таки имел в виду руководителей Междуреченского района, где проживает моя семья.

Не желая обременять тебя лишней работой, прошу послать седьмую страницу твоего журнала

№ 8—9 в том виде, как она есть, в село Шуйское, Вологодской области, исполкому Междуреченского райсовета, изменив только подписи под рисунком и письмом.

Капитан III ранга
А. БАЙКОВ.

Полевая почта 1141, часть 38264.

Дорогой Крокодил!

Не знаю, как других, но меня в нашей бане (на Самарской улице) обслужили быстро, без задержек. Вышел я оттуда совершенно чистым, до того чистым, что всё, что находилось в кармане моей одежды при входе в баню, бесследно исчезло при выходе. Как водой смыло.

Кстати, о воде. Воды-то в бане как раз и не оказалось. Не оказалось и замков на шкафах для одежды. Не оказалось и надзора за вещами посетителей. Вообще не оказалось и намёка на какой-нибудь порядок.

А. ШАПОШНИКОВ

г. Куйбышев, областной.

Товарищ Крокодил!

Сколько многоводных речей было произнесено в Красноводске о помощи семьям фронтовиков! Если б эту воду можно было как-то использовать, я бы тебе не писал о том, что моя семья, проживающая в Красноводске, сидит без воды.

Правда, в Красноводске своей питьевой воды нет — её привозят

из Баку. Но это едва ли может служить оправданием для нашего горсовета и горкома партии, куда я неоднократно обращался за по-

мощью. На мои запросы все эти организации упорно молчат, будто в рот воды набрали.

И получается почти, как в популярной песенке: семья моя сидит без воды, а красноводские инстанции «и ни туды и ни сюды».

Капитан ЕВГ. ВОЛКОВ

Действующая армия.

В РАЙЖИЛОТДЕЛЕ

Рис. К. Елисева

— Иван Петрович, на эту комнату имеются две заявки: от Ерёмину и Сизовой.

— Сизова? Гм, я её не знаю. А вдруг комната ей не понравится? А Ерёмин — свой человек. Он на меня не обидится, если комната окажется не очень шикарной. Вытишите ордер Ерёмину.

Уважаемый Крокодил!

Ну что за человек председатель нашего исполкома райсовета тов. Николаев! С виду, казалось бы, скромная, тихая личность, а если взглянуть пристальнее, — сразу всплывает незаурядный работник с большой инициативой, твёрдой волей и непреклонным характером. Не веришь? Приведу доказательство. Занял вот Николаев мою собственную комнату, комнату изживенки фронтовика, для своей племянницы и категорически не желает её освободить. Ни просьбы, ни увещания, ни убеждения — ничто не помогает. Дядя Николаев стоит на своём. Как настоящий хозяин. Он так и говорит: «Я здесь хозяин. Что хочу, то и делаю. Можете жаловаться».

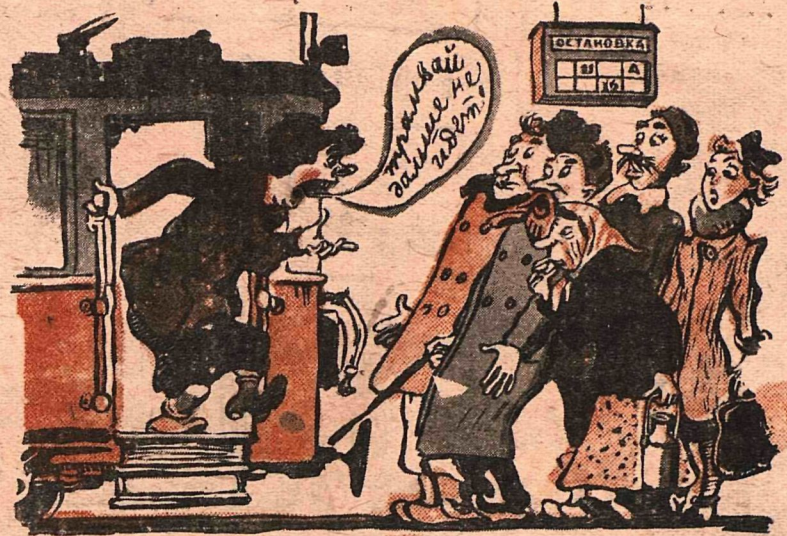
На что жаловаться? Видно, на то, что я не состою в числе племянниц сердобольного дядюшки.

Е. АНДРЕЕВА

г. Тихвин,
Ленинградской области.

ОБЩАЯ ЧЕРТА

Рис. Б. Фридкина

Трамвай работает, как часы.

...А часы работают, как трамвай.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор) Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 297

Подписано к печати 19 IV 1943 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 1167

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 990.

Тираж — 100 000 экз.

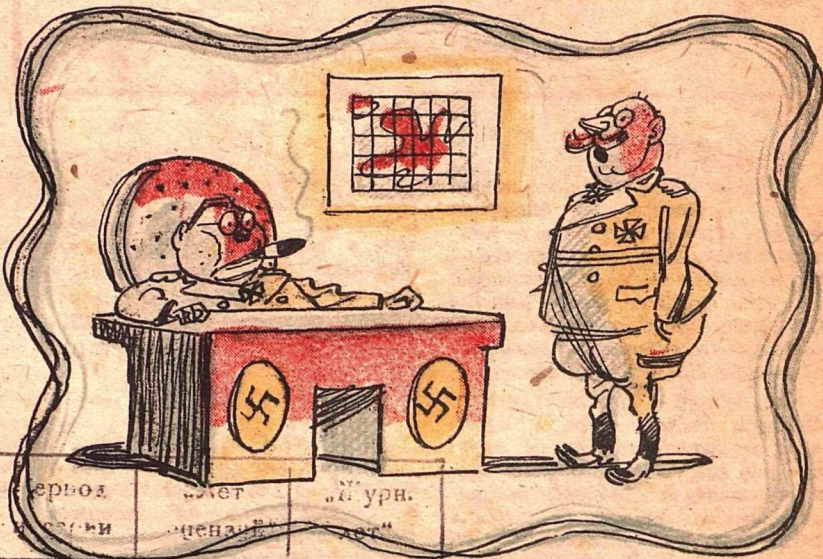
5 МАЯ 1945

УНИЧТОЖЕНА ДИВИЗИЯ

Рис. Ю. Ганфа

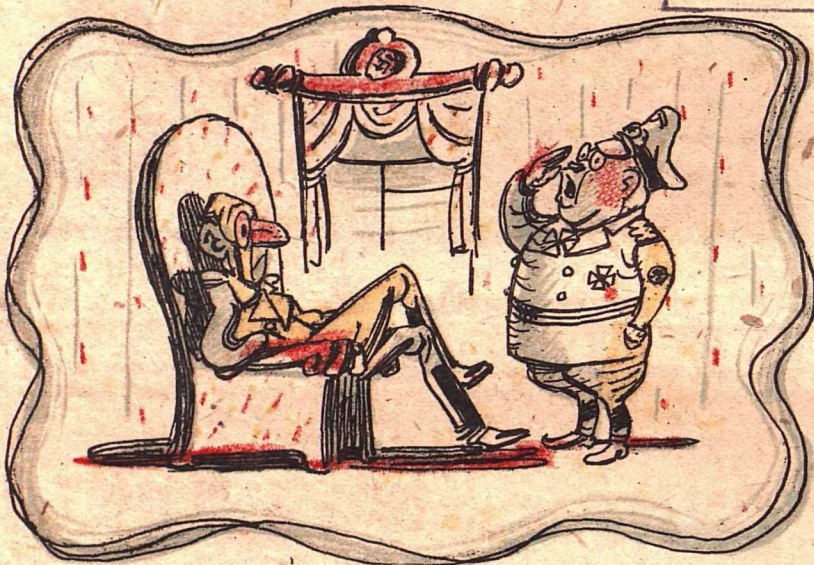
Генерал фон Дракке потерял в районе города Н дивизию, уничтоженную Красной Армией. Чтобы не расстраивать командующего корпусом генерала Шульца, фон Дракке сообщил ему, что разгромлен только один полк.

Командующий корпусом генерал Шульц не хотел огорчать командующего армией генерала Шмальца и уменьшил потери до одного батальона.

Сдан в архив

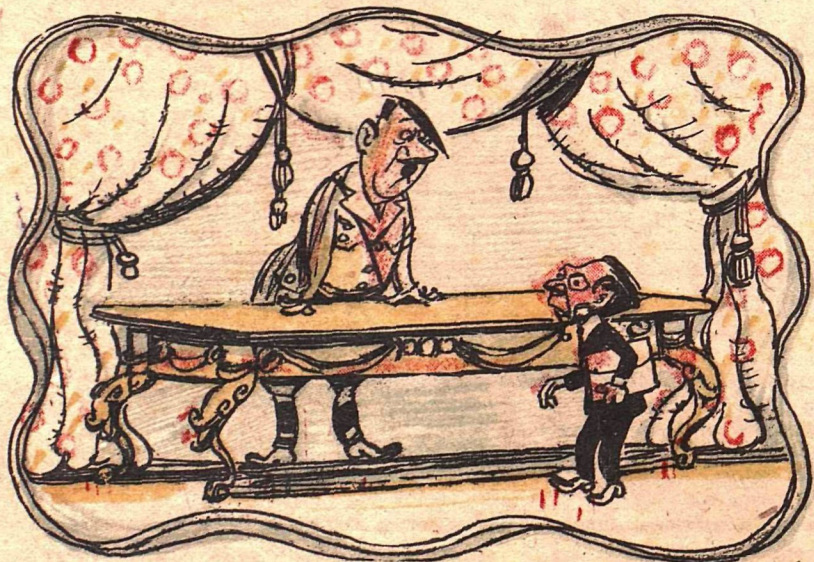
4/2

Командующий армией генерал Шмальц по той же причине доложил командующему фронтом фельдмаршалу фон Брехенау, что потери равны одному взводу.

Командующий фронтом фельдмаршал фон Брехенау, шадя нервы фюрера, осторожно сообщил ему, что в бою под Н германские войска потеряли всего 5 человек.

— Зачем расстраивать немцев, — сказал фюрер Геббельсу, — проще всего сообщить им, что мы уничтожили полк русских.

А утром берлинец Зигфрид Мюллер прочитал в газете, что в районе города Н немецкими войсками уничтожена дивизия русских.

МГ 43